

БИБЛИОТЕКА

ОГОНЁК

Геннадий Попов

**Чип
и стакан воды**

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ТЕРРА»
КНИЖНЫЙ КЛУБ

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК»

Издается с 1925 года

ГЕННАДИЙ ПОПОВ

ЧИП И СТАКАН ВОДЫ

Издательский дом «Огонек» — «Терра—Книжный клуб»
Москва — 2008

ОБ АВТОРЕ

Попов Геннадий Иванович родился в городе Иркутске, окончил Иркутский политехнический институт, работал инженером. Первая публикация в периодической печати появилась в 1979 г.

Автор кино- и телесценариев, многочисленных публикаций в центральных и региональных газетах и журналах. С 1981 по 1987 г. работал редактором отдела сатиры и юмора Всесоюзного радио (радиопрограмма «С добрым утром!» и др.). В 1988 г. окончил Высшие театральные курсы при ГИТИСе (драматург эстрады), после окончания которых работал ведущим редактором журнала «Эстрада и цирк». Позже работал заместителем главного редактора журнала «Магазин Жванецкого», редактором тележурнала «Столица», ведущим редактором еженедельника «Век». Член Союза писателей и Союза журналистов России. Автор книг «Пролетая над собой», «Как уберечься от пули», «Этот веселый детский мир»...

Уважаемые читатели!

Ваши отзывы и предложения отправляйте по адресу
bibl@kkterra.ru

- © Издательский дом «Огонек»,
внешнее оформление, 2008
- © Терра—Книжный клуб, 2008

ЧИП

— Ну, что? — спросил меня машинист электропоезда метро, вышедший на остановке из своей кабины. Я стоял прямо перед ним, в первой двери переполненного первого вагона, зажатый со всех сторон остальными пассажирами. И даже не очень удивился его вопросу. Потому что, когда человек как следует зажат, то ему тяжело не то что удивляться, но и дышать.

— Ничего, — ответил я так, словно ко мне постоянно, практически на каждой остановке, обращаются по разным поводам водители электропоездов.

— Пойдем, — позвал машинист.

— Куда?

— В кабину.

На машинисте была форма. Он был при исполнении. Так что являлся для меня, воспитанного еще в советское время в уважении к людям в форме, почти представителем власти. И я послушно последовал за ним.

Какое-то время мы ехали молча. В темном тоннеле мелькали редкие огоньки, освещающая бесконечно тянущиеся вдоль его стен кабели и трубы. Картина была угнетающая. Не зря, понял я, что согласно статистике машинисты поездов метрополитена чаще других страдают нервными расстройствами и депрессиями. Наконец потенциальная жертва опасного профессионального заболевания прервала затянувшееся молчание:

— Ты в кабине поезда когда-нибудь уже ездил?

— Нет.

— Ну и как тебе здесь?

— Не так тесно, как в вагоне.

Мы снова замолчали. Но машинист, как хозяин, видимо, считал своим делом развлекать гостя, поэтому поинтересовался:

— Твой-то как?

Что он имел в виду, я представления не имел, поэтому ответил максимально нейтрально:

— Нормально.

И, не желая показаться невежливым, поинтересовался в ответ:

— А твой как?

По тому, как на меня посмотрел машинист, я понял, что спросил что-то невольно. Выдержав паузу удивления, он меня поправил:

— У меня же сука.

И тут я его узнал. Конечно же, это был хозяин овчарки, с которым мы часто встречались во время вечерних прогулок. Собачники вообще в первую очередь обращают внимание на собаку, а уж потом на все остальное. Частенько случалось, что я не мог узнать кого-то из нашей собачьей компании, собирающейся по вечерам на близлежащем пустыре, встретив его, когда он был без своего питомца. Так что ничего удивительного в том, что я не узнал своего собеседника, не было. Тем более, что с собакой он гулял без формы.

Сообщество владельцев собак — это отдельное, довольно замкнутое объединение людей по интересам. Вход посторонним туда закрыт. Собачников волнует только одно — собаки. Все остальное для них, когда они собираются вместе, не существует. Собака — то единственное создание, которому они готовы посвятить всю свою жизнь. Для настоящих собачников семья, дети, работа и все остальное — мелочи, не заслуживающие особого внимания.

Часто, выгуливая своего пса, я пересекался с одной дамой с ротвейлером. Причем ее можно было встретить в любое время. Складывалось впечатление, что она выгуливает своего питомца круглые сутки. Ее любовь к Рэму выделялась даже на общем фоне фанатично-маниакального обожания собачниками своих любимцев.

— Представляешь, — радостно рассказывала она, — он вчера моего мужа укусил. Тот хотел меня обнять, а Рэм подумал, что он меня обижает. Умница ты моя! — Преданно смотрящий на хозяйку Рэм получал очередное лакомство. — Приходишь, — делилась она в следующий раз, — моему мужу перейти спать в другую комнату. А то Рэм ревнует. Он ко мне никого не подпускает. Умница!

В очередной раз я узнавал о новом подвиге Рэма:

— Вчера ночью просыпаюсь от криков мужа. Представляешь, он ночью решил в туалет сходить, а Рэм его оттуда не выпускает. У него же инстинкт охранника сильно развит.

Однажды я встретил ее слегка расстроенной.

— Представляешь, — вместо приветствия поделилась она, — он ушел.

— Кто?

— Муж. Пятнадцать лет прожили. Наверное, нашел другую.

Я попытался найти какие-то подходящие к ситуации утешительные слова, но она уже переключила свое внимание на Рэма. Думаю, она была бы расстроена гораздо сильнее, если бы потеряла его, а не мужа.

Настоящих собачников волнует только то, что касается их четвероного друга. Они часами взахлеб могут рассказывать о том, что он сегодня сделал, как посмотрел, что подумал. Они наделяют его нечеловеческими способностями, невероятным умом, редкими душевными качествами. А если, не дай бог, он заболел, то все остальное для них перестает существовать. Они каждую минуту трогают нос своего любимца, тщательно изучают его экскременты и превращают жизнь окружающих в сущий ад. Хватают первого же попавшегося за рукав и начинают мучить его, подробно рассказывая о симптомах заболевания, причинах его возникновения и подробностях протекания. «Мне еще вчера поведение Дэзи, — держат они мертвой хваткой слушателя поневоле, — показалось странным, и ела она как-то без особого аппетита. И играла меньше обычного. Утром смотрю, а нос сухой. Вызвала ветеринара, так тот ничего не нашел. Придется теперь везти на обследование в ветлечебницу».

Существует множество собачьих мифов, охотно распространяемых собачниками. Например, собакам приписывают человеческие качества и черты характера. Их наделяют добротой, благородством и даже чувством юмора. Хотя тут я со многим согласен. Но вот что ерунда, так это когда всей породе приписывают какие-то общие, присущие исключительно ей качества. На практике же, сколько я встречал трусливых представителей охранной породы, столько и злобных комнатных собак. Собаки, которым по породе было назначено быть умными, часто отличались крайней тупостью, а те, которые должны легко дрессироваться, напрочь отказывались выполнять команды. Одни мои знакомые купили собачку для своего ребенка, прочитав где-то, что эта порода обожает детей, что ее хлебом не корми, дай ей понянчить ребенка. Так она мало того что отличалась вздорным, нетерпимым характером, больше всего ненавидела именно детей, предпочитая их кусать.

Еще один из распространенных мифов: собаки похожи на своих хозяев. Тоже полная чушь. У меня, например, с небольшим перерывом были две собаки одной породы, так общим у них была только внешность, во всем остальном более непохожих друг на друга существ я просто не встречал.

Первый — Тим. Добродушный игривый эрдель, отличающийся повышенной общительностью. Благодаря этим его качествам, подкрепленным бесконечным обаянием, я перезнакомился со всеми собаками в районе и

их хозяевами. У меня появилось много новых приятных знакомых и полезных связей. Было паршиво на душе — я брал Тима и шел гулять, настроение в тесной компании собачников быстро поправлялось. Возникла какая-то проблема — я брал Тима и шел гулять и обязательно встречал кого-то из владельцев собак, кто мог помочь мне с ее решением.

У Тима был один недостаток, являвшийся следствием его общительно-го характера, — он мог заиграться и убежать. Так, когда мы отдыхали на даче в Салтыковке, он однажды и потерялся. Побежал за собакой, и больше я его не видел. Отчаянные поиски не принесли результатов.

Только через год наша семья оправилась от потери и решила с приобретением собаки. Естественно, что о другой породе даже не думали. Только эрдель.

Чип был точной копией Тима. Но сходство было только внешним. Если Тим был гуляка, то Чип был домосед. Если Тим во время прогулок любил побегать и поиграть с другими собаками, то Чип от хозяев старался далеко не отходить. А его общение со своими сородичами почти всегда заканчивалось дракой. Мало этого, часто ему удавалось втянуть в драку и меня. Я растерял свои старые связи среди владельцев собак и приобрел новых врагов. Гуляли мы с Чипом одни. Увидев собаку, я тут же спешил взять Чипа на поводок. Драка для Чипа была и самовыражением, и самоутверждением, и развлечением. И он неодобрительно относился к моему нежеланию участвовать в драках, тем более к попыткам помешать драться ему. «Ну и зачем ты это сделал, — говорил он все своим видом. — Мы же их почти победили. Ты же вместо того, чтобы отделать того очкарика, вцепился и стал оттаскивать меня от его пса. Ну что ты у меня за человек». Чип недовольно вздыхал и в поисках новых приключений оглядывался вокруг.

Один случай мне запомнился особо. Как-то мы с Чипом вышли на прогулку довольно поздно. Бульвар был пуст, и я спустил Чипа с поводка. Чип отряхнулся и бодро забегал взад-вперед, что говорило о его боевом настроении. Потом на секунду застыл в боевой стойке и вдруг рванул по бульвару. Я бросился вслед.

Вообще-то у Чипа, как и у всех собак, не особо хорошее зрение. Даже членов нашей семьи на расстоянии он узнавал не сразу, а сначала внимательно смотрел, наклоня голову то на один, то на другой бок, и только когда подходили ближе, с радостным визгом кидался навстречу. Как он тут заметил появившегося на другом конце бульвара фокса, непонятно.

Пока я бежал за ним, то успел оценить сложившуюся обстановку. Картина вырисовывалась следующая. На вечернюю прогулку перед сном вышла

примерная московская семья — мама, папа, дочка и их любимец фокстерьер. И только они вышли на бульвар, как к ним с другого его конца побежала собака. Но это их не смутило — собаки часто бегают друг к другу. Настораживало то, что за этой собакой бежал явно психически неуравновешенный хозяин, он истерично орал и размахивал руками.

Единственным, кто на мои крики не реагировал никак, был Чип, предпочитая, видимо, считать их подбадривающими, издаваемыми мною исключительно с целью поднять его боевой дух. А слова «убью, сволочь!» он просто пропускал мимо ушей.

На место начавшейся схватки я прибыл последним. В этот момент глава семейства в распахнутой дубленке, топчась на своей свалившейся с головы шапке, пытался оттащить Чипа от сдающего позиции фокса. Сбитая кем-то из участников баталии дочка лежала в сугробе. Мамаша, причитая, беспомощно бегала вокруг, не зная, кто больше в данный момент нуждается в ее помощи — дочь, муж или фокс.

Чип как опытный боец прекрасно владел ситуацией, навязывая противнику свою тактику. Он то отскакивал в сторону, то снова набрасывался на менее опытного фокса. К тому же он боковым зрением следил за действием остальных действующих лиц. Несколько моих попыток дать Чипу как следует пинка не увенчались успехом, я промахивался, с трудом сохраняя равновесие на скользком снежном покрове. Наконец моя нога достигла цели. Неприятность состояла в том, что Чип опять успел отскокнуть, а его место заняла менее подвижная хозяйка фокса. Решив, что нужно все же в первую очередь помочь своему псу, она наклонилась к нему, выставив вверх свою впечатляющую пятую точку. Вот по этой точке и пришелся мой пинок. Честно говоря, промазать по такой точке было сложно. Просто нельзя было промазать. При всем желании.

Я на доли секунды застыл, пытаясь оценить сложившуюся ситуацию. Извиняться было бессмысленно, за такое не извиняют. Пока сбитые с ног мама с дочкой лежали на снегу, папа своим телом пытался прикрыть фоксика. Чип стоял уже в стороне, любуясь с безопасного расстояния делом своих лап. Было видно, что он остался доволен увиденным. Но особенно он был доволен своим хозяином, тот наконец-то повел себя не как мямля, а как настоящий мужик, не стал, как обычно, мешаться, крича «Чип, нельзя! Чип, фу!», а встал в конце концов на его сторону и даже нанес по неприятелю решающий удар.

— Бежим! — скомандовал я.

Чип, считая, что мы сделали здесь все, что смогли, не стал возражать. И мы побежали. Но побежали не как испугавшиеся схватки труссы, а как

победители, разгромившие имевшего численное преимущество врага. Чип бежал рядом, озорно поглядывая на меня. Здорово мы их, говорил он. И ты тоже молодец, хвалил он меня, одним ударом сшиб эту тетку.

Когда мы покинули бульвар, я взял Чипа на поводок.

Может, еще погуляем? — предложил Чип.

— Пошли домой. Хватит с меня на сегодня.

Ну хватит, так хватит, согласился Чип и послушно пошел рядом.

Еще одна наклонность Чипа, помимо его драчливости, вызывала мое беспокойство — его сексуальная озабоченность. Сферы его сексуальных интересов были безграничны. Чип не обращал внимания на всякие незначительные мелочи, включая пол. Все, что стояло на четырех лапах или, будучи человеком, удачно наклонялось, тут же становилось объектом его сексуальных притязаний. Причем он очень раздражался, когда его скидывали с себя.

Неудивительно, что я просто мечтал найти ему подругу. Во-первых, я надеялся, что он немного успокоится, во-вторых, не последнюю роль играла мужская солидарность. Поэтому, когда во время нашей прогулки с Чипом по бульвару к нам подошли две девицы с девочкой-эрделькой, и предложили вязку, я был от счастья на седьмом небе. Честное слово, у меня не было бы такой радости, даже если бы ко мне лично подошла роскошная блондинка с предложением интимной близости. Я был готов расцеловать девиц и их собаку.

Но ни у меня, ни у девиц не было даже минимального опыта в деле вязки. Правда, я и не видел в этом особой проблемы. Мне казалось, если дать Чипу возможность, то он прекрасно все сделает без чьей-то помощи. Я был уверен в нем, как в самом себе. Но на всякий случай все же договорился со Славой, владельцем кавказской овчарки, живущим в соседнем доме. Слава убедил меня, что у него огромный опыт, что он тысячу раз самостоятельно вязал свою собаку.

В назначенный день вязки я отправил жену с дочерью к родственникам и стал ждать. Первыми пришли девицы с эрделькой. Я думал, что мне придется сдерживать Чипа, чтобы он тут же не набросился на бедную собачку. Но Чип преподнес мне очередной сюрприз, он не только не набросился, но и вообще не обращал на нее никакого внимания. Этот подлец сосредоточил все свое внимание на мне, отбегая только, чтобы притащить мне игрушку или проверить, не появилось ли что-то в его миске. Столько дел, говорил он, а тут еще приперлись какие-то, без них так было хорошо.

Пришлось ждать Славу. Наконец тот с большим опозданием все же появился. Но лучше бы не появлялся вовсе. Он был, мягко говоря, не совсем трезв.

— Это дело нужно обязательно отметить, — не терпящим возражения тоном заявил он, ставя бутылку водки на кухонный стол. И поинтересовался: — Жена дома?

— Ушла к матери.

— Правильно, ей лучше при этом не присутствовать, — одобрил он. И через секунду уже тащил перепуганных хозяек Чипиной невесты к столу. — Девочки! — включил он все свое обаяние, на какое только в данный момент был способен. — Давайте выпьем за знакомство!

— Слава, — шипел я, оттащив его с трудом в коридор. — В мои планы сегодня входило вязать не тебя, а собак.

— Каких собак? — непонимающим взглядом смотрел на меня Слава.

С трудом я выставил его из квартиры.

С владелицами зрдельки договорились о повторе попытки вязки. Теперь уже они привели свою более опытную, по их словам, в деле собачьей вязки подругу. От Славы в лучшую сторону она отличалась тем, что была трезва. Пользы же от нее было немногим больше. Но отступать было некуда, и мы решили идти до победного конца. Чип же продолжал придерживаться уже выбранной им линии поведения и обращал внимание на что угодно, только не на объект запланированной вязки. Объект, кстати, отвечал ему взаимностью. Поняв же, что от собак понимания не дождутся, люди решили положиться на собственные силы. Это нужно было видеть. Четырех человек, изо всех сил пытающихся сблизить упирающихся и вырывающихся собак. Этот клубок из человеческих и собачьих тел, образовавшийся в результате борьбы на полу посередине комнаты. Из которого доносились стоны, охи, сопение, пыхтение и рычание. Я испытывал противоречивые чувства. С одной стороны, мне было досадно, что Чип в данный момент является далеко не лучшим представителем сильной половины животного и человеческого мира. С другой стороны, я отчетливо понимал, что если бы меня таким же образом тащили для выполнения сексуального долга, то еще неизвестно, насколько бы я выглядел лучше.

Наконец после долгой нечеловеческой борьбы собаки встали в положенный им замок. Раздался общий громкий вздох облегчения, переходящий в тихий, чтобы не спугнуть, победный крик.

Не знаю, что испытывали собаки, но участники акта с человеческой стороны испытали в этот момент настоящее удовлетворение. Не помню, испытывал ли я что-то подобное по силе ощущения до или после этого. Хотелось шампанского и сигареты.

— Ну как? — с порога спросила жена, вернувшаяся с дочерью вечером домой.

— Да все обычно, — скупое, по-мужски ответил я. Но в глазах моих светились радость и торжество. У меня был вид человека, испытывавшего гордость за одержанную крупную и важную победу.

Меня можно понять. Любой собачник гораздо больше гордится успехами собаки, чем своими, и переживает за нее намного сильнее, чем за себя. И я не был исключением.

А когда спустя несколько лет Чипа не стало, то я перестал понимать, зачем возвращаться домой, когда тебя не встречает радостный лай. Зачем выходить из дома, когда не нужно никого выгуливать. Зачем есть, если за каждым твоим движением не следит внимательный собачий взгляд. Зачем заходить в магазин, если не нужно купить собачью еду....

Мир стал пуст.

ФАРИД

— Гена, привет, это Фарид! Как дела? — прорезался в трубке после междугородних звонков радостный голос с ярко выраженным восточным акцентом.

— Нормально, — сухо ответил я.

Дела у меня действительно шли нормально. Если бы я ответил, что дела у меня идут хорошо или замечательно, или, наоборот, плохо, из рук вон, или как-то иначе, то это было бы неправдой. У меня все было нормально, так я и ответил. Ответил обычно, без каких-либо эмоций. Но в сравнении с той радостью, которая звучала на том конце провода, получилось довольно сухо. Впрочем, какие-либо эмоции с моей стороны в данном случае были и неуместны — кто такой Фарид, я просто не знал.

Наверняка, решил я, это ошибка. Такое бывает сплошь и рядом. В этой квартире, правда, такого пока еще не было. Но я и жил тут недавно, не больше месяца. А когда жил с женой, пока не ушел сюда — в квартиру брата, то ошибались часто. Однажды поздно вечером кто-то наглым и негрезным мужским голосом, назвав меня по имени, без церемоний предложил позвать Валю. Валя — это моя жена, от которой я и ушел сюда, в эту однокомнатную квартиру на Сиреневом бульваре. Я и тогда уже собирался уходить, но все равно эта бесцеремонность меня резанула. Неприятно, когда при не ушедшем еще тебе твоей жене, пусть и той, от которой ты собираешься уходить, звонит поздно вечером какой-то наглец и требует ее к телефону. Потом выяснилось, что просто ошиблись номером. Там часто ошибались. Помню, как-то часов в пять утра зазвонил теле-

фон. Я не люблю, когда в такое время звонит телефон. Я никогда не слышал, чтобы кто-то позвонил в пять часов утра и сообщил о крупной сумме, доставшейся вам в наследство. Или о каком-то там выигрыше. Чаще всего телефонный звонок в пять утра означает, что приехал дальний родственник, которого ты видел раз в жизни. И вот он стоит на вокзале или, что еще лучше, в аэропорту Домодедово и ждет, когда ты за ним приедешь, чтобы привезти его к себе домой для временного проживания. Трубку сняла Валя, и уже через секунду сообщила мне, что к нам сейчас придет Миша. Я попросил уточнить, что это еще за Миша и почему для своего визита он выбрал столь неподходящее время. Валя предложила мне самому разбираться со своими друзьями. По ее словам кто-то, представившись Мишей, спросил: «Валя?» Потом поинтересовался: «А Гена дома?» Я, недовольный тем, что меня разбудили, как раз лежал в двух шагах от телефона. И, естественно, Валя не стала этого скрывать. Тогда этот Миша, сказал, что он сейчас ко мне придет. Вероятней всего, что это была ошибка. Потому что никакой Миша так и не пришел. Да и нет среди моих знакомых таких Миш, которые могли бы вот так взять и заявиться ни свет ни заря.

Так что нет ничего удивительного в том, что и какой-то Фарид просто взял и ошибся номером. Среди моих знакомых, даже давних и случайных, никакого Фариды никогда не было.

— Как там Витя? — поинтересовался Фарид.

Я сразу почему-то догадался, о каком Вите идет речь.

С моим давним приятелем Витей Мельниковым мы последний раз виделись лет так пять назад. А еще задолго до этого он как-то притащил меня с моим братом к себе домой. До этого мы где-то все вместе выпивали. А в те беззаботные времена существовала незывлемая традиция — было принято продолжать. И Витя уговорил нас поехать продолжать к нему. А у него в то время жил какой-то узбек. Кажется, Фарид. Откуда тот взялся, Витя и сам, по-моему, плохо представлял. Он в то время был в очередном разводе, вел довольно свободный образ жизни. И у него в квартире часто находился кто-то посторонний. В тот раз там находился Фарид. Его присутствие Витю, по-моему, не радовало и не огорчало. Витя, казалось, его просто не замечал.

Почему я запомнил Фариду, и сам не знаю. Ни о чем особо мы с ним даже не разговаривали. Да и о чем особо мы могли с ним говорить, если мы к тому времени уже и языками-то еле ворочали. Так что совершенно не представляю, почему я его запомнил. Может, потому, что он нам с братом продал какие-то кинжалы. Никакие кинжалы нам были не нуж-

ны, но Фарид убедил, что очень нужны. К тому же, по его словам, такие кинжалы больше нигде и не достать, а если и достать, то за очень большие деньги.

Так что домой от Мельникова я приехал с кинжалом. А утром долго, превозмогая головную боль, по фрагментам восстанавливал события прошедших суток, вспоминая, откуда у меня кинжал. Немного успокаивало только то, что на блестящем клинке следов крови заметно не было. Говорило в пользу не полной моей безрассудности и то, что рядом со мной не валялись ни пистолет, нелегально произведенный тульскими умельцами, ни граната, купленная у подпольных торговцев оружием, ни противопехотная мина.

А когда на следующий день я зашел в узбекский магазин «Зеравшан», находящийся рядом с моим домом, то увидел там точно такие кинжалы, но по цене несколько ниже той, за которую его продал Фарид. Наверное, поэтому я его и запомнил.

— Гена, понимаешь, я до Вити не могу дозвониться, — объяснял мне в это время звонивший Фарид. — И ни до кого не могу дозвониться. А у меня много вещей. Так что встретить меня, пожалуйста. Поможешь мне их донести. Кроме тебя некому. Запиши номер поезда и вагон.

Только он продиктовал, как связь прервалась. Я не успел ему сказать, что уезжаю и что встретить его никак не могу. Уезжать, конечно, я куда не уезжал, но и встречать не собирался. С какой стати мне его встречать? Если я начну встречать всех, с кем когда-то случайно в жизни пересекался, то буду вынужден посвятить этому все свое время. К тому же у меня дела, работа. Да и вообще, с какой стати?! Свалился на мою голову. И откуда только у него мой телефон? Наверное, узнал тогда у Мельникова. Или я сам по пьянке сказал. Я выпивший иногда становлюсь не в меру гостеприимным и дружелюбным. Он, наверное, позвонил по тому телефону, а ему дали этот. Пить нужно меньше. Да я и так. А это ж когда было. Чего это вдруг я оправдываюсь? Не могу, и все. Пусть вон Мельников встречает. Где его черт носит?!

До Мельникова я так и не смог дозвониться. Все эти дни во мне борлись два противоречивых чувства. С одной стороны, я считал, что не должен встречать совершенно незнакомого мне человека. Тем более что тот приезжает в мое рабочее время (я хоть и не записывал, и память у меня плохая, но то, что продиктовал мне Фарид, каким-то чудесным образом запомнил). А с другой стороны, представил себе бедного узбека, который приезжает с вещами в большой недружелюбный город, и никому нет до него дела и даже багаж помочь донести некому. К тому же я не

успел предупредить, что не смогу его встретить. Он на меня надеется. Нельзя же быть, в конце концов, законченным эгоистом, нужно помогать людям.

А в день приезда Фарид я закрутился по работе и на время забыл о его приезде. Вспомнил где-то за час до прихода поезда. В принципе я успевал. Да и с делами вроде бы разобрался. И чаша весов склонилась в сторону человеколюбия.

Когда я стоял на платформе, то понял, что даже не знаю, как Фарид выглядит. Оказалось, зря я волновался, что не смогу его узнать. Он сам узнал меня. Не мог же кто-то другой из пассажиров поезда Ташкент — Москва ни с того ни с сего взять и повиснуть у меня на шее. Я с трудом освободился от крепких объятий.

— Ты один? — поинтересовался Фарид. Так обычно спрашивает приехавший дальний родственник, надеявшийся обрадовать своим приездом всю свою родню, и теперь разочарованный тем, что не все пришли его встречать. — Я тебя сразу узнал, ты совсем не изменился, — отметил он, разглядывая меня то с одной, то с другой стороны. — Сколько лет прошло? Восемь? Десять?! Ой, чего это мы стоим, — засуетился он, как гостеприимная хозяйка, задержавшая дорогого гостя на пороге, — пойдем в вагон. Вещи там.

Все купе было завалено вещами.

— Извини, — виновато улыбнулся Фарид, — меня радикулит скрутил, тяжелое мне поднимать нельзя, так что придется выносить частями.

— Куда теперь? — спросил я, когда вынес все вещи на платформу.

— Гена, — крадчивым голосом стал прояснять ситуацию Фарид, — я не смог ни до кого дозвониться, поэтому можно одну ночь я переночую у тебя?

Я посмотрел на маленького, щуплого, больного радикулитом Фарид, умоляюще смотрящего на меня, на большую кучу багажа и понял, что обречен сегодняшнюю ночь провести не один.

Наше передвижение носило возвратно-поступательный характер. Я брал часть вещей, относил их метров на двадцать-тридцать, затем возвращался за следующей порцией и относил ее. Рядом бегал Фарид, участливо заглядывая мне в глаза.

— Тяжело? — интересовался он. И советовал: — Не нужно по столько носить, бери поменьше.

В конце концов, мы все-таки оказались на привокзальной площади.

— Ты далеко от метро живешь? — спросил Фарид.

— А ты что, собираешься везти все это на метро? — удивился я.

— А как? — продемонстрировал он редкую неосведомленность в деле транспортировки большого количества багажа.

Предложение взять машину не сильно обрадовало его. Но, взглянув еще раз на свои чемоданы, сумки и тюки, особенно задержав взгляд на моем висящем на плече портфеле, он вынужден был согласиться.

— Только нужно отойти отсюда подальше, — проявил он крайнюю практичность, — а то здесь сдерут в несколько раз дороже.

На следующий день Фарид почему-то опять не смог ни до кого дозвониться. И послезавтра не смог. И все последующие дни я передвигался по маленькой однокомнатной квартирке, перешагивая через расставленные всюду вещи моего постояльца.

По вечерам Фарид встречал меня, удобно расположившись на выделенном ему диванчике, с прижатой к уху телефонной трубкой.

— Устал? — сочувствовал мне он. — Иди съешь чего-нибудь.

Фариду, видимо, у меня нравилось, поскольку он целыми днями сидел дома. В те редкие часы, когда дома был и я, мы занимались каждый своим делом: я сидел, тупо уставившись в телевизор, Фарид чаще всего говорил по телефону. Его попытки наладить между нами теплые, откровенные отношения, которые на его взгляд должны быть между людьми, знающими друг друга не один год и, более того, живущими в одной квартире, успешными назвать было нельзя.

— Гена, — начинал он, — а что ты смотришь?

— Телевизор.

— А что за передача?

— Не знаю, фильм какой-то.

— Ты, я заметил, любишь телевизор смотреть.

— М-м-гу... — Саша какой — то грустный тогда был, у него ничего не случилось?

— Какой Саша?

— Ну, брат твой. Что-то вид у него грустный был.

— Когда?

— Ну, когда вы с ним к Вите пришли. У него ничего не случилось?

— У кого? А-а, нет. Не знаю.

— Мне показалось, что у него что-то случилось.

— Почему?

— Он сидел, молчал. Грустный такой. Мне показалось, что у него что-то произошло.

— А-а, нет, ничего.

— Как у него сейчас дела?

- Нормально.
- Дай его телефон, я с ним хочу поговорить.
- А нет его, он уехал.
- А вы с ним похожи. Молчаливые оба.
- Угу...

Поняв, что разговор по душам не получается, Фарид снова переключался на телефонные разговоры. Но те из них, свидетелем которых мне пришлось стать, надежду на скорое наше расставание не давали. — Привет! — радостно кричал он трубку. — Это Фарид. Ну, помнишь, мы встречались у Вити. Я сейчас в Москве. Приехал на несколько дней. Дела. Бизнес здесь налаживаю. Нужно обязательно встретиться! Давай завтра? Не можешь? Уезжаешь? А когда приедешь? Не скоро? Жалко. А я тебе узбекскую дыню привез. Почему не надо? Таких дынь в Москве не купишь.

Бизнес Фариды заключался в том, что он привез в Москву несколько каракулевых шуб. Продать их он пытался по телефону через каких-то знакомых. Торговля, судя по всему, шла из рук вон плохо. С отчаянья он решил привлечь к своему бизнесу и меня.

- Гена, тебе деньги нужны? — издали начал он.
- Нет.

— Ну ведь не помешают? Я шесть каракулевых шуб привез. Сделаны по немецкому лекалу. Каракуль сейчас на Западе очень в моде. Очень дорого стоят. Не меньше тридцати тысяч. А я отдаю за семнадцать.

— Хорошо.

— Может, кому-то из твоих знакомых нужна каракулевая шуба? Продай им с учетом своего интереса. На каждой шубе ты сможешь заработать тысячи две.

- Мои знакомые не носят каракулевых шуб.
- Сейчас трудно достать каракулевы шубы.

— Наверное. — Слушай, — вдруг оживился он. — А у тебя любимая женщина есть?

- Есть.
- Купи ей шубу. — Она не носит шубы.
- Такую шубу можно всю жизнь носить. Ничего ей не сделается.
- Нет!

После нескольких неудачных попыток найти мне применение в торговле шубами Фарид, выждав несколько дней, решил использовать меня в иной, деликатной, сфере.

— Гена, что смотришь? — выбрал он самый подходящий на его взгляд момент для подобного разговора.

— Телевизор.

— Ты ведь работаешь на телевидении, со многими общаешься. Наверное, у тебя много знакомых женщин?

— М-м-гу... Что?

— Женщины ведь у тебя знакомые есть?

— Есть.

— Может, ты меня познакомишь с кем-нибудь. А то неизвестно еще, сколько мне в Москве пробыть придется. Может, есть какая с квартирой. Скажи ей, что у тебя есть один знакомый бизнесмен. Заметив мой недоуменный взгляд, Фарид уточнил: — Мне не обязательно какую-то уж очень молодую.

— Мельников! — орал я в трубку, дозвонившись наконец-то до Вити Мельникова. — Куда ты пропал?! Твой Фарид уже три недели живет у меня! Забирай его!

— Какой Фарид? — отказывался что — либо понимать Мельников. — То ты не звонишь годами, то вдруг, даже не поздоровавшись, орешь про какого-то Фарида.

— Что значит про какого-то! Ты что, не помнишь? Лет пять тому назад ты пригласил нас с братом к себе домой, а у тебя жил Фарид!

— Ну и что?

— Теперь он живет у меня!

— Ну?

— Ну и заberi его обратно!

Забрать Фарида Витя отказался наотрез. Заявив, что не обязан помнить всех, кто у него когда-то жил и тем более забирать их обратно.

— Это твои проблемы, — продемонстрировал он откровенную черствость в ответ на мои отчаянные призывы к его памяти и совести. — Кто тебя просил его встречать?

— Он попросил, — сник я, оценив весь идиотизм положения.

— Но ты же тоже тогда его поселил.

— Если я сделал когда-то глупость, не обязательно ее повторять. Но в любом случае спасибо, что предупредил, — поблагодарил меня Витя. — Подходить к телефону не буду и открывать дверь тоже.

Вечером после работы идти домой не хотелось, а хотелось излить кому-то душу. Свой выбор я остановил на Наврузе — режиссере, с которым мы вместе работали. С ним мы зашли в небольшую забегаловку около метро ВДНХ. Навруза я выбрал для душеизливания наверное потому, что мать у Навруза эстонка, а отец узбек. Почему-то я решил, что лучше всего меня должен понять человек, в чьих жилах течет узбекская кровь.

— Да гони ты его! — выслушав меня, посоветовал Навруз. Наверное, в нем в этот момент заговорила эстонская половина.

— Да неудобно как-то, — мялся я. — Он какой — то неустроенный. Жалко его. И идти ему некуда.

— А-а, тогда пусть живет. — Навруз легко сменил гнев на милость.

Придя домой, я сидел в тесной прихожей на табуреточке, тщательно и неторопливая расшнуровывая ботинки. Через приоткрытую дверь в комнату я мог наблюдать своего постояльца. Фарид в спортивном костюме фирмы «Адидас» сидел на своем диванчике, поджав под себя ноги. Как обычно он говорил по телефону.

— ...по немецкому лекалу. Стоит минимум тридцать тысяч. За десять у тебя с руками оторвут. Отдашь мне семь... — Устал? — заботливо поинтересовался он, когда я вошел в комнату. — Иди съешь чего-нибудь.

Помощь ко мне пришла со стороны. Из Питера мне позвонила Аня. Мы знакомы были давно, но два года назад во время моей командировки пришли к решению, что должны быть вместе. Обстоятельства же пока воссоединению мешали, но мы пользовались каждой возможностью встретиться.

— Геночка, я смогу на три дня приехать в Москву. Я уже купила билет.

— Понимаешь, у меня тут Фарид, — поделился я своим наболевшим. И тут же понял всю неуместность данной информации.

— Что?! — У Наташи даже изменился голос. — Ты не рад?

— Да нет, рад. Конечно, рад. Приезжай. Я жду.

Каждый приезд Ани и так был для меня праздником. А тут к тому же появился еще и удобный повод объясниться с Фаридом. Не откладывая, я почти строевым шагом подошел к нему.

— Фарид! — торжественно произнес я. Кажется, в данный момент я более всего напоминал государственного деятеля, который делает официальное заявление, объявляет о награждении или сообщает о принятом важном политическом решении — «Подписан приказ о награждении Вас...», «Трудно переоценить значение для всей страны...» Что-то в этом роде. — Фарид, — повторил я, — ко мне приезжает женщина.

Фарид смотрел на меня, как ребенок смотрит на родителей, интересующихся вечером, не устал ли он, подозревая, что вслед за этим они начнут укладывать его спать.

— Конечно, конечно. — Фарид поспешил дать мне понять, что он все понял и что с его стороны никаких возражений по этому поводу нет. И, чтоб уж вообще не было никаких недоговорок, добавил: — Я вам не помешаю.

— Фарид, — я постарался сказать как можно тверже. — Вместе мы тут находиться не сможем. Ты должен уйти.

Он по моему виду понял, что решение мое окончательное и менять его я не собираюсь, поэтому только робко попросил:

— Можно я вещи пока здесь оставлю?

Недели через две Фарид пришел за своими вещами. С ним был какой-то мужчина, подозреваю, что какой-то мельниковский знакомый, побывавший в Витиной квартире в тот же период, что и мы с братом.

Фарид рассказал о своей жизни без меня. За это время он успел съездить в Питер. Но наладить свой бизнес там у него, похоже, тоже не получилось. Жители Северной столицы в своем отношении к каракулевым шубам проявили с москвичами редкое единодушие и так же упрямо не спешили отрывать их с руками.

Пока пришедший с Фаридом выносил вещи, сам Фарид развязал сетчатый мешок и вытащил дыню.

— Вот, дыню тебе из Ташкента привез. В Москве такие не продаются.

В его словах был легкий укор. Я почувствовал себя последним подлезцом, который выставляет из своей квартиры приехавшего с подарками лучшего друга.

Когда ощущения от постояльца с гостеприимного Востока стали бледнеть и уже не вызывали у меня острых эмоций, он вдруг напомнил о себе. Часа в три ночи.

Я, ничего не соображая, дошел до двери. В глазок была видна чья-то невысокая фигурка. Я машинально, продолжая ничего не соображать, открыл дверь.

— Добрый вечер, Гена, — заулыбался при виде меня Фарид.

— Уже ночь, — уточнил я без всякого намека на взаимность.

— Я тут, — стал объяснять причину своего появления Фарид, — живу неподалеку. Комнату снял. А хозяин напился как свинья. Мне пришлось уйти. А метро ночью не работает. Вот я и заглянул к тебе.

Я неподвижно и молча стоял в дверях и своей мрачностью полностью соответствовал времени суток. Не встретив теплого приема, Фарид прибегнул к испытанному способу — он решил освежить в моей памяти связывающий нас светлый образ Мельникова:

— До Вити я так и не могу дозвониться, ты его не видел?

И тут меня прорвало. Вообще-то меня посреди ночи редко прорывает. Может быть, потому, что ночью меня редко вот так неожиданно будят. А тут еще сказалось дневная усталость. И прорыв состоялся:

— Если ты специально пришел сообщить мне, что метро ночью не работает, так я в курсе! А если бы я знал, что для того, чтобы ты наконец-то ушел, достаточно как следует напиться, то я бы давно это сделал сам! И вообще, то, что я видел тебя мельком десять лет тому назад, не повод для того, чтобы вваливаться ночью в мою квартиру!

Закончив свой короткий монолог, я захлопнул дверь.

После такого выброса эмоций уснуть не удавалось. Я долго ворочался. Во мне даже проснулось сострадание к позднему визитеру. Но когда я подошел к входной двери, в глазок никого уже видно не было. Фарид ушел.

На этот раз он ушел из моей жизни навсегда. Только две вещи напоминают теперь о его появлении: бесполезный кинжал, лежащий в верхнем ящике кухонного стола, и возникшая у меня привычка вздрагивать, когда я слышу звонок. Телефонный или звонок в дверь — без разницы.

СТАКАН ВОДЫ

Если представить себе отдыхающего после праведных дел ангела, то он, скорее всего, сейчас походил на Сашу.

Саша почти неподвижно лежал на диване и шевелил лишь пальцами ног. Занятие это, видимо, сильно его увлекло, потому что лежал он так давно и внимательно разглядывал свои шевелящиеся пальцы. Не отвлекаясь ни на что.

— Может, сходим куда-нибудь? — наконец неуверенно предложил он.

— Куда сходим!? — тут же взорвался я, словно только и ждал этого предложения.

— Всю неделю ходим, с того дня, как ты приехал. Вчера помнишь какими пришли!? Свою станцию метро два раза проезжали... А ты помнишь, что приставал к моей соседке?!

— Я же не знал, что это твоя соседка...

— А кто, по-твоему, мог входить в соседнюю с моей квартиру?!

— Я же не знал, что это твоя квартира...

— Хватит паясничать! Между прочим, она серьезная женщина, кандидат наук, мать двоих детей...

— Она же была без кандидатской и, кстати, без детей... да и вид у нее был довольно игривый.

— Сомневаюсь, что ты был в состоянии разглядеть ее вид...

Саша замолчал и стал еще внимательней рассматривать пальцы своих ног.

Пролежав так какое-то время, он снова нарушил молчание:

— А что, Володя болеет?

— Какой Володя?

— Ты же сам утром по телефону разговаривал с каким-то Володей, интересовался его самочувствием.

— Болеет.

— Что с ним?

— Простыл. Тебе-то что, ты с ним даже не знаком.

— Ну и что, что не знаком. Человек же все-таки... лежит... болеет... На его месте мог быть любой из нас...

— С меня хватит того, что ты лежишь на своем месте. И я бы предпочел, чтобы ты продолжал лежать..

— За ним хоть есть кому ухаживать? — Похоже, Саша всерьез озаботился судьбой больного незнакомого ему Володи.

— Он один живет...

— Один?! — встрепенулся Саша, оторвавшись от своих пальцев.

— Один, но он не нуждается в уходе, просто немного простыл.

— Простуда бывает очень коварной, — со знанием дела заметил Саша и без всякого перехода поинтересовался: — А видеомэгнитофон у него есть?

В то время мэгнитофоны были далеко не у всех, так что ничего особо удивительного в его вопросе не было.

— Есть.

— Может быть, съездим попроведем человека. А то неудобно, лежит человек, болеет, стакан воды подать некому. Заодно и фильм какой-нибудь посмотрим. А то сидим тут дома одни, словно сычи какие...

— Я же сказал, никуда не поедем. Давай хоть день посидим дома.

— Нет, если не хочешь, то, конечно, не поедем. Просто, мне кажется, люди должны помогать друг другу, особенно, если кто-то нуждается в нашей помощи...

— Меня сейчас слеза прошибет.

— Я же предлагаю только приехать, подать стакан воды — и обратно... — Я сказал, нет.

— Фильм заодно какой-нибудь посмотрим.

— Знаю я эти твои фильмы.

— Если ты намекаешь на очередную выпивку, то должен сказать, что они мне самому надоели и глубоко противны. Просто съездим на часок.

Саша уже встал с дивана и переодевался.

— Пить сегодня не будем! — предупредил я.

— Конечно, нет.

В машине Саша тихо сидел на заднем сиденье, я разговаривал с водителем пойманной нами машины.

Вдруг Саша стал хлопать себя по карманам.

— Ну вот, оставил свои сигареты. Остановите машину вот у этого кафе. Я на секунду.

Вернулся Саша действительно быстро. Но не один. С ним был десяток молодых игривых девиц.

— Гена, посмотри, какие хорошие девчонки. Давай, их с собой возьмем.

— Нет.

— Да ты посмотри, какие они веселые. Знаешь, как больному человеку полезны веселые девчонки. Первое средство от любой болезни. Ты посмотри, они же мертвого поднимают.

— Володя не мертвый. А потом, как мы их повезем, вон их сколько.

Об этом Саша, было видно, и не думал, но тут же нашелся:

— А мы их двумя машинами отправим.

Но я был непоколебим. Саша, обиженно сопя, снова плюхнулся на заднее сиденье.

Когда приехали к больному Володе, Саша вместо приветствия пожаловался ему как человеку, которого всю жизнь знает и с которым расстался буквально пять минут назад:

— Хотел вот девчонок привезти для настроения, но Гена не разрешил.

Похоже, Саша был прав по поводу оздоровительного воздействия на организм человека молодого женского пола — болезненное выражение тут же исчезло с Володиного лица, и он неодобрительно посмотрел на меня. Я понял, что благодарности за то, что оградил его покой от вмешательства молодых бесцеремонных девиц, вряд ли дождусь.

Володя поставил какой-то американский боевик. Мы сели за пустой стол и стали хмуро его смотреть. От предложенного хозяином чая отказались.

— Вот черт! — вдруг вспомнил что-то Саша, вскочил и быстро вышел из комнаты.

— Куда он? — поинтересовался Володя.

— Не знаю, наверное, стакан воды тебе решил принести.

Саша вернулся через секунду.

— Совершенно забыл! У меня в пуховике затерялась!

И он поставил на стол стограммовый шкалик коньяка.

— Мы же договорились, что сегодня не будем выпивать! — возмутился я.

— А чего тут выпивать! — удивился Саша, заручаясь Володиной поддержкой: — Правда, Володя?

Володе можно было не отвечать, по его виду было видно, что стакану воды он явно предпочитает этот шкалик.

Под коньяк американский боевик пошел как-то живее. Но вскоре Саша снова вскочил и вышел из комнаты.

— Куда он? — снова поинтересовался Володя. — Не зна-а-аю, — признался я, подозревая, что вряд ли за стаканом воды.

Мои подозрения подтвердились в худшем виде — Саша вернулся, держа в руках четыре шкалика коньяка.

— Саша! — взвыл я.

— В пуховике затерялись, — объяснил Саша.

— Я сейчас закуску приготовлю, — засуетился больной Володя.

Закуска оказалась совсем не лишней. Потому что Саша то и дело вскакивал и выбегал из комнаты. Возвращался он не с пустыми руками. Не знаю, как в обычном китайском пуховике могло поместиться такое количество бутылочек. Также не поддается никакому нормальному объяснению, как он смог буквально за те несколько минут, когда выходил из машины за сигаретами, успеть так основательно затариться. Но уверен, что если бы с подобным номером выступать в цирке, то он пользовался бы самым бешеным успехом у нашей публики.

Не знаю, сколько мы выпили, но когда поздно ночью мы с Сашей уходили, то хозяин лежал за столом лицом в тарелке.

— Видишь, — с укоризной заметил Саша, — а ты говорил, не нуждается в уходе.

Вид у гостеприимного хозяина был действительно неважнецкий. Мы подняли его обмякшее тело и осторожно перенесли на кровать.

Саша, как настоящий художник, оценивающе сквозь густой табачный дым еще раз оглядел дело своих рук — заваленный стол, неподвижно лежащего поперек разобранной постели одетого хозяина — и в целом, казалось, остался доволен. Остались лишь мелочи. Саша вышел из комнаты и вернулся со стаканом воды.

МОЯ КРИМИНАЛЬНАЯ ЖЕНА

К выбору жены я подошел основательно. С учетом всего своего предыдущего негативного житейского опыта.

К тому времени я устал от бытовой неустроенности. Мне уже порядком надоели гулянки, компании и съемные квартиры. Хотелось покоя, хотелось скучной размеренной жизни и домашней еды.

Я рвался в семейный рай, к чистоте и порядку. К душевному равновесию семейного человека

И моя жена должна была обеспечить мне все это.

В общем, приступая к поискам жены, я отчетливо представлял ее портрет.

Нашел я ее в Питере. Во время командировки. Пришел в гости к старым знакомым и увидел ее. Вот же, думаю, она.

Но поскольку я был человеком уже опытным и не раз обжигавшимся, то решил на всякий случай проверить свое первое впечатление. Наши общие знакомые в один голос меня уверили, что Аня очень хозяйственная и удивительно спокойная. А надежная? — интересовался я. Очень надежная, убеждали меня. Не вертихвостка? Нет-нет, что ты. А готовить умеет? Она отлично печет шарлотку.

Данные характеристики окончательно убедили меня в том, что Аня самая подходящая кандидатура на роль моей жены. И решение было принято.

Правда, существовало несколько обстоятельств, мешающих его осуществлению. Во-первых, она жила в другом городе, во-вторых, у меня в данный момент не было собственной жилплощади, я ушел из предыдущей семьи и жил в квартире брата. К тому же Аня в тот момент была замужем и о моем решении жениться на ней даже не подозревала.

Но вряд ли меня уже могло что-то остановить. В том числе и здравый смысл. Вернее, тем более он, этот здравый смысл.

Для начала я наладил регулярные поездки в Питер и встал в очередь на жилищный кооператив.

Мои трезвомыслящие знакомые удивлялись тому, что я, видите ли, не могу найти себе жену в Москве. И приводили статистику: в Москве живет более двенадцати миллионов, более шестидесяти процентов из них женщины, треть из которых подходит для меня по возрасту, половина из которых готова выйти замуж. Возможно, среди них кто-то согласится выйти и за меня. Но я в ответ лишь снисходительно улыбался и в очередной раз уезжал в Питер.

Сравнил быстро я осуществил задуманное: Аня с небольшой сумкой появилась в моей новой однокомнатной квартире для совместного проживания.

Я уж было решил, что моя мечта о спокойной жизни становится реальностью. Вот он, семейный рай, полный покоя и благодати. Я отчетливо представлял нас сидящими в обнимку по вечерам и выходным.

Но довольно скоро я понял, что, кажется, события развиваются не по моему сценарию.

Аня на следующий же день своего пребывания в свитом мной уютном гнездышке стала проявлять явные признаки беспокойства. «Что-то к нам никто не приходит?» — интересовалась она. И слава богу, думал я, представляя кучу своих суетливых приятелей с их женами, топчущих вымытый пол, что-то хватающих, мельтешащих у меня перед глазами и нарушающих своей болтовней мой покой. — Может быть, куда-нибудь сами ходим, — предлагала она.

Более безумной мысли я и представить себе не мог. Какого черта куда-то тащиться, когда дома так хорошо и спокойно.

— Я ведь в Москве одна, у меня тут никого нет, — жаловалась мне Аня.

— У тебя есть я, — оторвавшись от телеэкрана, успокаивал я ее.

Через несколько дней Аня нанесла мне первый предательский удар, неожиданно сообщив:

— Ко мне приедут подруги из Питера.

— Зачем?! — испугался я.

— Ну, мы же должны отметить начало нашей совместной жизни.

Но даже я, склонный заранее сильно преувеличивать ожидаемые неприятности, не предполагал масштабы приближающейся катастрофы.

Проснулся я от громкого крика. И пока соображал, что происходит — переворот? народные гуляния? но почему ни свет ни заря и перед моей дверью на семнадцатом этаже? — раздался звонок в дверь. Именно вот за это я и не люблю различные звонки. Не зря я от них вздрагиваю. Спрашивать, кто там, не имело смысла, поскольку меня никто не услышал бы, к тому же и так уже догадался.

Открыв дверь, я потерял контроль над ситуацией. Крепость была сдадена без боя. Ее защитники сами позорно сдались на милость захватчиков. И если в мою тихую уютную квартиру ворвались не все жители города-героя Санкт-Петербурга, то, наверное, их большая часть. И уж точно самая громкая. С радостными криками «Анька!» они бросились обнимать мою жену и заодно меня.

Мой вопрос: «Это что, все твои подруги?» — остался никем не услышанным. Я не знаю, может, Аня дружила исключительно с глухими, но все приехавшие орали так, будто другие ничего не слышат. Впрочем, те и не слышали. Поскольку в этот момент орали сами

— Мои подружки приехали с мужьями! — торжествуя, стараясь перекричать своих подружек, кричала Аня, показывая на мужиков, открывающих тут же вытащенные из сумок бутылки водки.

Несколько дней моя квартира больше всего напоминала вокзал во время военной эвакуации. Каждый ее метр использовался для создания спаль-

ных мест. У соседей были взяты раскладушки и надувные матрасы. Тем, кому их не хватило, были постелены мягкие вещи просто на пол. Умиравшие по утрам от жажды просили принести им воды. В туалет и ванную выстраивались очереди. Кухня использовалась как круглосуточный вокзальный буфет. Доносившееся оттуда разноголосое пение начисто перекрывало музыкальный центр, включенный в комнате на полную громкость.

Единственным для меня положительным моментом в этой ситуации было то, что Аня к приезду подруг испекла-таки свою хваленую шарлотку. Помешало мне в полной мере оценить это лишь то, что я не успел ее попробовать.

Зато Аня просто ожила. Она смотрела на меня светящимися от счастья глазами, предлагая разделить ее радость по поводу приезда подружек.

Но и с отъездом питерских гостей моя жизнь спокойней не стала. Оказалось, что Аня сильно преувеличивала свое одиночество на новом месте. В Москве у нее нашлось много бывших однокурсников и подружек молодости по московско-питерской тусовке. В те редкие дни, когда не было гостей у нас, нам приходилось идти в гости самим. Моя мечта о спокойной жизни становилась просто недостижимой. Но и своих друзей Ане было мало, она организовала общение с моими. Границы Москвы тоже были ей тесны. Я даже не говорю о наших постоянных поездках в Питер.

«Мы не можем туда не ездить, — объясняла Аня в ответ на мои протесты, — там же моя родина, там мои друзья».

«Ты же из Иркутска родом, — напоминала она, — мы обязательно должны туда поехать». Так к питерским поездкам прибавились иркутские. Хотя до этого я там не был уже тысячу лет.

«Ты был в Париже? — спрашивала Аня. — Обязательно нужно туда съездить». И мы ехали в Париж. Попутно заезжая в другие страны, где тоже до этого не были.

«А вот тебе Саша из Киева часто звонит, почему мы не ездим к нему в гости?» — недоумевала Аня. «Правда, здорово! — восхищалась она после поездки в Киев и добивала мою мечту окончательно: — Нужно будет сделать поездки в Киев нашей традицией!»

Аня была моей противоположностью во всем: я долго обдумываю, прежде чем что-то сделать, она принимает решения сразу и никогда не откладывает их исполнение, я все делаю медленно, она старается делать все как можно скорей, я — злопамятен, замкнут и обидчив, она — открыта, доверчива и видит в людях только хорошее... В общем, если бы у меня была цель найти в этом мире свою противоположность, то можно считать, что я ее достиг.

Все бы ничего, человек в конце концов ко всему привыкает, но мы благодаря Аниной общительности и неумению оставаться безразличной ко всему, что происходит вокруг, часто попадали в самые разнообразные ситуации. Вплоть до криминальных.

Как-то поздним вечером мы возвращались из очередных гостей. Машинист на станции «Новые Черемушки» объявил, что поезд дальше не пойдет, и попросил пассажиров освободить вагоны. Мы вышли на платформу дожидаться следующего поезда.

— Вот негодяй! — возмутилась Аня и, увидев мой удивленный взгляд, пояснила: — С нами в вагоне ехала пьяная женщина, а вот тот парень взял ее пакет.

Уж не знаю, чего это на меня вдруг нашло, может быть, сказалось влияние Ани, а может быть, просто был не совсем трезв, но неожиданно для себя я проявил активную жизненную позицию и невесть откуда взявшуюся резвость. Я бросился за мужиком, на которого мне показала Аня, догнал его у эскалатора и стал вырывать у него пакет. Мужик, надо сказать, с пакетом совсем не собирался расставаться. К тому же он был значительно здоровей меня. Но я, уверенный в своей правоте, проявил такой напор, что вырвал предмет нашей борьбы у превосходящего меня в силе противника.

После чего подошел к двум милиционерам, вытаскивающим из вагона нетрезвую владелицу пакета, и поставил свой трофей рядом. Милиционеры от моего поступка просто вошли в ступор, они бросили обмякшее тело на каменный пол и молча уставились на меня. В общем-то, их понять было можно, по Москве только что прошла серия терактов, и любой бесхозный пакет вызывал подозрение. Я попытался что-то им объяснить про пакет, про его владелицу, про мужика...

В конце концов милиционеры, внимательно проверив мои документы и заглянув в пакет, меня отпустили.

Я вернулся к Ане. К моему поступку Аня отнеслась как к должному, такое впечатление, что я только и делал всю жизнь, что отбирал украденное и возвращал его прежним владельцам. Тем не менее она меня похвалила:

— Правильно... Наверняка, это ее пакет...

Я до такой степени опешил, что даже подумал, что ослышался.

— Ты сказала «**наверняка**»?! Ты что, не уверена, что этот пакет принадлежит этой женщине?!

— Да нет, наверняка ей, — успокоила меня Аня. — Тот же мужик, когда вышел из вагона, то раскрыл пакет и стал разглядывать его содержимое...

— По-твоему, если я решу заглянуть в свой пакет, то любой идиот на этом основании имеет полное право отобрать его у меня?!

— Да нет, — продолжала выстраивать свою логическую цепочку Аня, — если бы это был его пакет, то он бы тебе его не отдал...

— Да он мне и не отдавал, я его отобрал силой!..

Тут подошел поезд, и я решил, что лучше всего для нас будет скрыться с места происшествия.

Уже дома я раскрыл Уголовный кодекс и ткнул Ане пальцем в статью 161 «Грабеж».

— Читай комментарии: «...хищение, которое совершается в присутствии потерпевшего... при грабеже виновный изымает чужое имущество на виду у других лиц, но сознательно пренебрегает этим, проявляя изворотливость и дерзость...» Видишь, благодаря тебе я вполне мог бы быть привлечен к ответственности по этой статье. И ты пошла бы как соучастница...

Через несколько дней мы уезжали в Крым. Хоть там спокойно отдохнем, надеялся я, довольный тем, что ответил решительным отказом на Анино предложение взять с собой для компании ее подругу.

Мы поселились в маленькой, тихой и уютной частной гостинице. С отдельным входом в номер и тенистой беседкой рядом, идеально подходящей для уединенного проведения в ней вечеров за стаканом тягучего мандровского вина.

Я, наслаждаясь одиночеством, развалился на кровати. Аня пошла осматривать местность. Даже не верилось, что целых две недели мы будем одни. И небезосновательно. Вскоре за дверью раздались голоса и вошла Аня с какой-то молодой парой.

— Узнаешь?! — с искренней надеждой спросила она и, наткнувшись на мой непонимающий взгляд, лишь махнула рукой: — Ты такой невнимательный, они же ехали с нами в одном вагоне. И тут поселились недалеко от нас, представляешь? — радовалась она. — Знакомься...

Впрочем, если полностью уединенной жизни и не получилось, по сравнению с нашим московским образом жизни было несравненно спокойней. Чаще всего составлял нам компанию местный пес по кличке Бой. Но его общество было мне не в тягость, скорее наоборот. Удивительно сообразительный и, несмотря на свой грозный вид, бесконечно обаятельный, он был любимцем всех проживающих в гостинице.

Познакомившись с ним поближе, мы убедились, что, поддерживая дружеские отношения с постояльцами, он тем не менее добросовестно выполнял свои обязанности по охране территории в ночное время. Заодно

строго следя за тем, чтоб на ней не появилась ни одна кошачья лапа. Об этом мы вскоре узнали, услышав дикий кошачий крик. Выскочив из номера, мы увидели обезумевшего от ужаса котенка и с рычанием преследующего его Боя. Решение нужно было принимать мгновенно. И я по команде Ани «Держи его!» прыгнул на Боя. Тот на время даже опешил, не ожидая такого предательства с моей стороны. Но я, упав на землю, крепко обхватил его за шею. Пока мы боролись, Аня успела схватить дрожащего котенка и вынести его за территорию гостиницы. Там тот был в безопасности. Коты, гуляющие по улице, Боя не интересовали, он проходил мимо, не удостаивая их своим вниманием. Но стоило им только ступить на подконтрольную Бою территорию, он становился просто бешеным. И только по глупости можно было пытаться помешать ему.

Не хочу оправдывать Боя, но должен заметить, что он обеспечивал спокойную жизнь постояльцам гостиницы. Местные коты отличались жутким нахальством. И проникали всюду. Увидев собирающегося поест человека, они тут же окружали его и, гипнотизируя взглядами, требовали поделиться. И спасения от них не было нигде. Только на территории нашей гостиницы.

Через какое-то время Бой, по всей видимости, простил меня. Он пришел к нам и, благосклонно приняв угощение, развалился прямо посреди комнаты. Когда мы собрались спать, я решил выпроводить нашего гостя. Но в это время раздались мощные удары в дверь. Я поспешил ее открыть. За дверью сидел рыжий котенок. Не верилось, что это он с такой силой колотил в дверь. Но я убедился в этом, закрыв дверь, — удары повторились, подкрепленные требовательным мяуканьем.

— Боя ни в коем случае нельзя выпускать, — запретила мне Аня. — Он же его порвет.

Бой же продолжал безмятежно дремать, никак не реагируя ни на удары в дверь, ни на громкое мяуканье.

Аня относила котенка за ворота, но тот тут же возвращался. Почему он выбрал именно нашу дверь, за которой сладко спал его злейший враг, непонятно.

Таким образом, Бой провел у нас всю ночь. И только под утро, предварительно по просьбе Ани убедившись, что котенка под дверью нет, я выпустил собаку.

А через несколько дней, при отъезде, я прощался с гостеприимной хозяйкой гостиницы и, желая сделать ей приятное, похвалил мирно лежащего поблизости Боя.

— Пес у вас просто замечательный, умница...

— Посмотрите, что этот умница сделал, — вдруг взорвалась обычно выдержанная хозяйка и показала на валяющееся под деревом разодранное тело белочки.

— Инстинкт, — пытался я как-то оправдать своего четвероного друга.

— Принял ее за кошку... он же охраняет территорию...

— Территорию?! Охраняет?! Да он же даже голос не подал, когда тут ночью грабили машину!

Я поспешил завершить прощание, решив не оправдывать Боя тем, что, возможно, именно в ту ночь Бой отдыхал у нас в номере.

Уже в поезде Симферополь — Москва я продолжал отчитывать Аню:

— Посмотри, вечно из-за тебя мы попадаем в какие-то ситуации. Если бы не твоя жалостливость, может, чью-то машину и не ограбили бы. А так мы стали невольными соучастниками кражи...

Аня молчала. Я продолжал:

— Лучше бы ты домом занималась! Скажи, ты мне когда-нибудь свою хваленую шарлотку испечешь?!

— Приедем и испеку, — покорно согласилась Аня. — Я тебе не говорила, завтра к нам мои подружки из Питера приезжают...

ИЗ УСЛЫШАННОГО

В принципе ничего специально придумывать и не нужно. В жизни можно встретить все. Не зря же считается, что она гораздо более непредсказуема, трагична и смешна, чем любая выдумка. И если быть внимательным и прислушиваться к окружающим, то много чего можно услышать. Ну например.

В редакции еженедельной газеты, в которой я работал, раздался телефонный звонок. Трубку подняла секретарша главного редактора:

— Редакция газеты, слушаю вас.

— Девушка, скажите, — интересуются на том конце провода, — вы ежедневная или еженедельная?

И все.

Секретарша от неожиданности сильно задумалась — какая она?

— Скажи: еженочная, — советует кто-то из оказавшихся поблизости редакционных остряков.

Работников редакции трудно чем-то удивить, каждый день там раздаются десятки звонков по самым неожиданным вопросам. Вот один из них: — Редакция?! Это вас Пузиков беспокоит. Я к вам по вопросу необъятности.

Пришлось объяснить господину Пузикову, что вопросами необъятности редакция пока временно не занимается.

Из разговора двух сотрудников редакции.

— Я в газЭте работаю с восемьдесят пятого года.

— А до этого чем занимался?

— Жил в Тбилиси.

Из выступления на редакционной летучке:

— Мы порой не хотим волновать главного редактора, чтобы у него от этого не поднялось давление или еще чего похуже.

В редакционном коридоре один сотрудник на ходу интересуется у другого:

— У тебя случайно книги Киплинга «Маугли» с собой нет?

Тот ошарашенно смотрит на спросившего.

— Вот, — достает он из сумки книгу. — У меня с собой совершенно случайно «Идиот» Достоевского оказался.

У одного из моих коллег разбили машину. Дело отправили на рассмотрение в суд. Перед заседанием он стоял у входа в здание суда и, нервно куря, ждал своего сильно опаздывающего свидетеля аварии. В этот момент к нему подошли две женщины в платках и представились:

— Мы свидетели Иеговы.

— А что, — участливо забеспокоился коллега, не оставшись равнодушным к чужой судьбе, — у Иеговы тоже машину разбили?

В самый разгар инфляции, когда цены прыгали как бешеные, еду в поезде. Голодный. И тут вовремя на весь вагон раздается:

— Бифштексы горячие! Горячие бифштексы!

Выглядываю из купе и спрашиваю у продавщицы:

— Сколько стоят?

Продавщица, даже не поворачиваясь ко мне, машет рукой и, проходя мимо, на ходу бросает:

— Ой, лучше и не спрашивай...

Как-то подхожу к лотку, на котором написано: «Горячие беляши». Беляши действительно горячие? — спрашиваю у откровенно скусающей лоточницы.

— Да вы что?! — искренне обижается та. — Еще какие! Горячие, вкусные... И закончились уже давно.

На рынке хочу купить сыр. Спрашиваю у продавца:

— У вас сулгуни острый?

— А вам какой нужен? — услужливо интересуется тот.

Еду в троллейбусе. Один мужик рассказывает соседу:

— Я тут недавно с бидоном из дома за квасом вышел. Вернулся через две недели без кваса и без бидона.

Решил поехать к друзьям на дачу. Они дали мне адрес, рассказали, как найти их участок. Приезжаю на место. Оказывается, что там несколько садоводств находятся вплотную друг к другу. Ищу нужное.

— Скажите, — спрашиваю у стоящего при въезде в одно из садоводств мужика, — Шестой Лучевой проезд у вас здесь есть?

Мужчина свысока некоторое время молча смотрит на меня и наконец снисходит до ответа:

— У нас здесь есть все.

Через какое-то время стал свидетелем похожего диалога.

— Как у вас тут лес?

— Нормальный лес.

— Грибы есть?

— Все есть — грибы, ягоды, особняки.

Тут мне жена моего приятеля пожаловалась:

— Представляешь, вчера Валерка вернулся в полшестого утра и весь в черной икре.

Стал вспоминать что-нибудь похожее из собственного жизненного опыта. Не смог вспомнить. В чем только не приходил, в черной икре — никогда.

Недавно, встретив свою старую знакомую, сказал, что на днях еду в Чехию, и что решил ехать поездом, потому что не хочу лететь.

Знакомая:

— Да, я помню, ты всегда боялся летать на самолете.

Пришлось напомнить, что я как раз всю жизнь летал на самолетах. Тогда знакомая призналась:

— Это я, наверное, перепутала. А ты, помню, всю жизнь не любил есть рыбу.

Геннадий Попов

Чип и стакан воды

Руководители проекта *В. Лошак, С. Кондратов*

Редактор *К. Мкртчян*

Художественный редактор *Е. Поляков*

Корректор *И. Яковенко*

Компьютерная верстка *В. Круглова*

Подписано в печать 27.05.08 г.

Формат 70x108 ¹/₃₂. Бумага газетная.

Гарнитура «Журнальная». Печать офсетная.

Тираж 46 000 экз. Заказ № 0806990.

ТЕРРА—Книжный клуб.

127206, Москва, Чуксин тупик, д. 9.

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленного электронного оригинал-макета в ОАО «Ярославский полиграфкомбинат»

150049, Ярославль, ул. Свободы, 97

Народная библиотека «Огонька»

С 1 июля в каждом отделении Почты
открыта подписка на следующие издания:

Универсальный словарь: В 4 томах	1390 р.	Кассиль А. Собрание сочинений: В 5 томах	1400 р.
Большая Энциклопедия «Терра»: В 62 томах	74400 р.	Колетт С.-Г. Собрание сочинений: В 7 томах	1274 р.
Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона: В 86 полутомах	68000 р.	Кристи А. Собрание сочинений: В 13 томах	1885 р.
Популярная Энциклопедия: В 20 томах	6200 р.	Манн Т. Собрание сочинений: В 8 томах	2240 р.
Детская Энциклопедия: В 10 томах	4620 р.	Мериме П. Собрание сочинений: В 5 томах	1250 р.
Энциклопедия «Великий час океанов»: В 5 томах	2250 р.	Монтень М. Опыты: В 3 книгах	890 р.
Андерсен Х.-К. Собрание сочинений: В 4 томах	1520 р.	Моруа А. Собрание сочинений: В 10 томах	2580 р.
Библиотека античной литературы: В 10 томах	3200 р.	Песков В. Сочинения: В 9 томах	2520 р.
Блок А. Собрание сочинений: В 6 томах	1280 р.	Похлебкин В. Сочинения: В 6 томах	1450 р.
Бунин И. Собрание сочинений: В 9 томах	1830 р.	Родари Дж. Собрание сочинений: В 4 томах	1220 р.
Буссенар А. Собрание сочинений: В 10 томах	2710 р.	Софья де Сегюр. Собрание сочинений: В 5 томах	1275 р.
Волков А. Собрание сочинений: В 4 томах	860 р.	Соловьев Вс. Собрание сочинений: В 9 томах	2080 р.
Гарт Б. Собрание сочинений: В 6 томах	1560 р.	Тэффи. Собрание сочинений: В 5 томах	905 р.
Герцен А. Избранные произведения: В 5 томах	1255 р.	Уэдсли О. Собрание сочинений: В 6 томах	1308 р.
Гоголь Н. Собрание сочинений: В 7 томах	1610 р.	Флеминг Я. Собрание сочинений: В 7 томах	1540 р.
Гранин Д. Собрание сочинений: В 5 томах	1075 р.	Фолкнер У. Собрание сочинений: В 6 томах	1194 р.
Грин А. Собрание сочинений: В 6 томах	1242 р.	Хаггард Г. Р. Собрание сочинений: В 12 томах	2880 р.
Диккенс Ч. Собрание сочинений: В 20 томах	4200 р.	Чарская Л. Собрание сочинений: В 5 томах	910 р.
Долгополов И. Мастера и шедевры: В 6 томах	1500 р.	Чуковский К. Собрание сочинений: В 5 томах	1025 р.
Ефремов И. Собрание сочинений: В 8 томах	2160 р.	Ян В. Собрание сочинений: В 5 томах	1310 р.